

В маслоделии в ту пору быстро возрастала роль кооперации. Товарищества, входившие в «Союз сибирских маслодельных артелей», в 1914 г. объединяли около 250 тыс. домохозяйств, почти половина из которых приходилась на долю Тобольской губернии.

Последняя к 1914 г. стала одним из ведущих маслодельческих районов России, опередив такие старые центры маслоделия, как Петербургская, Вологодская, Ярославская губернии и Прибалтика.

Успехи развития западносибирского маслоделия в начале XX в. были засвидетельствованы Н.Л. Скалозубовым. По его словам, «в положении сельского хозяйства юга (Тобольской. – Н. З.) губернии произошли такие перемены, которые поражают наблюдателя: быстрое развитие маслоделия для экспорта, появление даже в глухих деревнях сепараторов и маслобоек делает выгодным молочное скотоводство; возрастает количество дойного скота у крестьян, возрастает ценность скота, в увеличивающейся пропорции из года в год растет количество сдаваемого на маслодельни молока; у крестьян появляется интерес к улучшению скота, возникает спрос на племенных животных, делаются попытки улучшенного содержания скота; получает развитие свиноводство; возникает интерес к травосеянию».

**Ильиных И.В.
(Нижний Тагил)**

**«Жить так, как живут мужчины»: гендерный аспект
общественной и трудовой активности населения
Нижнего Тагила на рубеже 1920-30-х годов**

Одним из условий строительства социалистического общества в 20-30-е годы XX века было формирование «нового человека», разделяющего идеалы и ценности устанавливаемого строя. Власть при создании «нового советского гендера» («нового мужчины» и «новой женщины»), вовлечении их в политическую и общественную жизнь, задействовала различные социальные, политические и психологические механизмы воздействия. Поскольку задачи первой пятилетки требовали активного участия женского населения в общественном производстве, правительство проводило нормативное и принудительное регулирование семейных отношений, формировало и изменяло официальные дискурсы, которые по-новому интерпретировали положение женщин в обществе и меняли устоявшийся гендерный уклад.

Жесткая гендерная политика советского руководства ставила женщин в положение «подчиненности», при котором условием выживания и самореализации был выбор определенной стратегии взаимодействия с властью. Ш. Фицпатрик выделила стандартный набор моделей построения взаимоотношений с государством, характерный для населения советской

деревни (1). Анализ социального поведения городского населения на рубеже 20-30-х годов XX века (на примере г. Нижнего Тагила) показывает, что они успешно применялись и жителями индустриальных городов. Среди основных способов взаимодействия с властью, форм проявления лояльности по отношению к ней можно выделить: 1) стратегии активного сотрудничества, вылившиеся, например, в движение ударниц и общественниц; 2) стратегии манипулирования через письменное и устное апеллирование к вождям и в государственные структуры; 3) стратегии приспособления, которые сводились к укреплению традиционных гендерных отношений и институтов.

В конце 20-х – начале 30-х годов XX века, согласно периодизации И. Кона, Г. Лapidус, А. Роткирх, произошло изменение гендерной политики советского правительства, суть которого заключается в переходе от политической к экономической мобилизации женщин, в связи с начавшейся форсированной индустриализацией и коллективизацией, реализацией курса на культурную революцию (2). Женщина, ранее воспринимаемая как «отсталая, темная, аполитичная часть населения», стала рассматриваться как репродуктивная единица и рабочая сила, именно в этом качестве вовлекаясь в коммунистическое строительство. Как «социально-одобряемую деятельность» официальная идеология пропагандировала политическую и производственную мобилизацию женского населения, что осуществлялось через женотделы, организованные при партийных комитетах различного уровня, делегатские собрания женского актива, секции городских советов депутатов.

В городах в условиях социалистического строительства при сохранявшейся низкой производительности труда необходимо было «привлечение женщин к трудовой повинности и участию в коммунистических субботниках» (3). Для осуществления этой линии власть проводила целенаправленную политику по укоренению в общественном сознании идеи о том, что «экономическое и социальное равноправие женщина могла приобрести при условии равноправного ее участия в производительном труде» (4). Но не все постановления органов власти были реализованы на местах. По решению Обкома ВКП(б) от 6 апреля 1931 года «о внедрении женского труда в производство» доля этого труда должна была составлять не менее 31%. В реальности, например, на Нижнетагильском заводе было задействовано женщин 23,7% от общего количества рабочих, на Выйском железном руднике – 18,6%, на Тагилстрое – 25%, на руднике III Интернационала – 31% (5). Недостаточно активно участвовали женщины в массовых компаниях. Согласно информационной сводке № 2/150 Центрального комитета Всесоюзного союза рабочих металлистов от 15 апреля 1930 года «О вербовке металлистов на работу в колхозы за счет 25000 рабочих» по Уральской области из 982 мобилизованных - женщины составляли 9,2% (6).

В индустриальном городе трудовая деятельность женского населения была тесно связана с общественной, заключающейся в участии в отчетно-выборных компаниях, движении ударников, социалистических соревно-

ваниях, а также в вступлении в Коммунистическую партию, работе в профсоюзных, советских и партийных организациях в качестве выдвиженцев. Несмотря на влияние революционных событий, во многом эмансипировавших женскую часть населения, их роль в общественно-политической жизни страны оставалась не столь значительной, как требовалось партией и правительством.

Характерным примером проявления общественной активности женщин являлось их участие в работе городского совета. В 1929 г. в Нижнем Тагиле в совет было избранно 69 женщин, что составляло 32% от общего количества депутатов (7). Анализ материалов базы данных «Депутаты» позволяет выявить наиболее типичные характеристики социального портрета женщин, стремившихся к проявлению активности. По роду занятий 40,6% женщин-депутатов были работницами промышленных предприятий, 32% - домохозяйками, 20,3% - служащими. По уровню образования 10,1% из них оставались неграмотными или малограмотными, 59,4% имели низшее образование, 23,1% - среднее, 7,2% - высшее. По национальности 95,6% женщин-депутатов были русскими. Возраст 52,1% из них не превышал 30 лет. Несмотря на изменение женского представительства в тагильской окружной парторганизации, составлявшего в 1924 г.- 11,6% от общего числа членов, в 1925 - 13%, в 1926 - 17,1%, в 1927 - 17,5%, в 1928 - 16,1%, на 1 октября 1929 - 15,5%, лишь 42% женщин-депутатов являлись членами Коммунистической партии (8).

Работу в советах различного уровня, вступление в партию, используя льготы, предоставляемые рабочим, большинство женщин воспринимало как «лифты социальной мобильности», как условие дальнейшего продвижения, возможность самореализации (9). Именно этот тип активисток, воспитанных на идеалах революции, с укоренившимся в сознании представлением о справедливости и закономерности советского строя, плодотворно участвовал в общественно-политической жизни города, считая это правом и долгом каждого гражданина.

Несмотря на сложившиеся политические и социально-экономические условия, которые привели к складыванию определенного типа политически активных женщин, большинство представительниц женского населения Нижнего Тагила на рубеже 20-30-х годов XX века продолжало оставаться политически пассивными, сохраняя традиционное представление об участии в советах и собраниях (зачастую олицетворявшимися с сельскими сходами) как типично мужском занятии. Особенно сильно это представление было в сельских районах, административно относившихся к городу, где доля женщин-депутатов была минимальной. По статистике, проводимой на делегатских собраниях женского актива, если в 1925-26 гг. активно участвовавших в общественной жизни женщин было 22%, причем такое распределение сохранилось и в следующем году, то по округу в тот же период доля женского представительства в советах упала с 33% до 18% (10). Менее активно женщины участвовали и в работе отчетно-выборных собра-

ний. Если явка мужчин на них в 1931 г. составляла 82%, то женщин – 70% (11.) Одной из причин нежелания женщин проявлять социальную активность было негативное отношение к ним со стороны традиционно настроенной части населения. Сами женщины-депутаты на совещаниях профактива среди причин пассивности представительниц женского населения в общественной работе называли малограмотность, нежелание работать, «отсталость от мужчин в своем развитии» (12).

Социальная активность женщин в индустриальном городе на рубеже 20-30-х годов XX века была отражением установившегося советского гендерного порядка, вызванного задачами социалистического строительства. Это приводило к изменению роли женщины в обществе, необходимости проявления ею активности в политической и производственной сферах. Но формированию по инициативе партии и правительства «нового типа» женщины препятствовали сохраняемые в сознании населения традиционные стереотипы взаимодействия женщины и власти.

-
1. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 1930-е годы: город. М., 2001.
  2. Здравомыслова Е.А., Текина А.А. Советский этакратический гендерный порядок // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история. М.: «РОССПЭН», 2003. С.442.
  3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть 1. 1898-1925. М., 1953. С.895.
  4. Ильина О. На главном направлении // Женщины Урала в революции и труде. Свердловск, 1963. С.271.
  5. Отдел по делам архивов администрации г.Нижний Тагил (ОДААНТ). Ф.70. Оп.2. Д.176. Л.16,26.
  6. ОДААНТ. Ф.228. Оп.4. Д.64. Л. 34 об.
  7. База данных «Депутаты: 1929» // ОДААНТ. Ф.Р-70. Оп.2. Д.114.
  8. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДО-ОСО). Ф.9. Оп.1. Д.1028. Л.26.
  9. Здравомыслова Е.А., Текина А.А. Указ.соч. С.462.
  10. ОДААНТ. Ф.Р-70.Оп.2. Д.86. Л.10.
  11. ОДААНТ. Ф.Р-70.Оп.2.Д.139. Л.108 об.
  12. ОДААНТ. Ф.Р-70.Оп.2. Д.86. Л.10.